

хмѣлемъ и сигарою, которою заглупшалъ онъ разящій отъ него „винный духъ“.

Лапкинъ сдѣлалъ знакъ рукою, мы остановились; Иванъ Яковлевичъ подошелъ къ тарантасу, а я остался на дрожжахъ держать возжи.

— Какъ уборка?—спросилъ Василій Никандрычъ.

— Ничего, подвигается по маненьку,—отвѣтилъ Большаковъ.

— Не слыхалъ, какъ управляются мои?

— Не слыхалъ, самому не доводилось видѣться, Петръ тоже не былъ у васъ три дня. Да сами-то вы, въ отлучкѣ что-ли были?

— Въ городъ ѣздилъ,—коротко отвѣтилъ Лапкинъ.

— А у насъ здѣсь новость,—не выдержалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Какая?

— Да вотъ съ четверть часа назадъ Двориковскіе проѣхали, сказывали, что мельницу пропили. Кому это и по какому случаю?

— Что-жъ тебя это такъ занимаетъ?

— Да васъ, я думаю, еще больше должно занять; мельница-то чуть не на вашемъ дворѣ стоитъ. Они крикнули, что пропили мельницу, я понимаю это такъ, что они сдали ее кому-нибудь?

— Если и сдали, ничего тутъ нѣтъ удивительнаго: владѣлецъ можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ по личному усмотрѣнію.

— Я не о правахъ говорю, а о томъ, что въ этой мельницѣ вся жизнь ихъ; они безъ нея пропадутъ.

— Ты все преувеличиваешь, старикъ.

— Ничего не преувеличиваю, — горячился Большаковъ, — развѣ я не знаю, въ какомъ они положеніи?.. И кто это поддѣлъ ихъ на такую удочку?!

Лапкинъ захохоталъ.

— На такую удочку поддѣлъ ихъ я!—не безъ достоинства сказалъ онъ.

Иванъ Яковлевичъ отступилъ даже отъ тарантаса.

— Вы!—проговорилъ онъ наконецъ:—не можетъ быть!

Василій Никандрычъ понялъ это восклицаніе по своему, спокойно досталъ изъ кармана пачку сложенныхъ вчетверо листовъ и, выбравъ одинъ изъ нихъ, подаль Большакову.

— На, читай! Нотаріальное условіе; сегодня утромъ совершили.

Иванъ Яковлевичъ развернулъ листъ и внимательно прочиталъ его.